

УДК 42

DOI: 10.17223/19986645/69/6

О.Г. Мельник

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ

На материале английского художественного нарратива исследуются указательные именные группы с текстовыми antecedентами как наиболее характерные единицы текстового дейксиса. Текстовый дейксис рассматривается как метафорический механизм референции, проецирующий высказывание на текст. Анализируются наиболее важные языковые и дискурсивные переменные, связанные с указательными именными группами. Делается вывод, что этот механизм референции чаще всего сочетается с абстрактными существительными, выполняя при этом референтную когезивную функцию.

Ключевые слова: дискурс, нарратив, текстовый дейксис, анафора, референция, указательные именные группы, широкозначные существительные, лексическая когезия.

Введение

В современной лингвистике наблюдаются различные подходы к исследованию демонстративов, имеющих antecedенты в тексте [1–5]. Их относят либо к текстовому дейксису, либо к анафоре, и тем не менее в полном объеме их анализ еще не осуществлялся.

Цель данной статьи – предложить общую схему, дающую представление о текстовом дейксисе в художественном нарративе с дискурсивной и когнитивной точек зрения. Рассматривая текстовый дейксис как метафорический процесс, объединяющий как дейксис, так и анафору [6], мы предполагаем, что демонстративы, имеющие antecedент в тексте, следует считать референциальными механизмами текстового дейксиса. Их функция, наряду с анафорой, заключается в поддержании дискурсивной референции.

В качестве материала для анализа мы использовали роман Николаса Эванса «Заклинатель» [7], общий объем которого составляет 125 500 словоупотреблений. В данном тексте были выделены именные группы с указательными местоимениями, имеющие текстовые antecedенты, как в примере (1). Ряд случаев, оговоренных ниже, мы исключили из анализа. Привлечение когнитивного подхода и сравнительного метода [8] призвано обеспечить точность представляемых результатов исследования.

Термин «именная группа» (далее ИГ), получивший широкое распространение в современных русскоязычных работах по синтаксису, является не вполне точным переводным эквивалентом английского термина «noun phrase», однако он удобен как устоявшееся универсальное обозначение многофакторного явления, включающего семантику (референциальное

значение), синтаксическую и грамматическую дистрибуции (как у существительного-вершины).

(1) *She told him about meeting Robert and how he'd seemed so clever and dependable, so grown up and yet so sensitive. And he was still all of **those things**, a fine, fine man* [7. P. 149].

Пример 1 показывает, что указательная ИГ *those things* референциально зависит от предыдущего предложения, выступающего в качестве текстового антецедента. Другими словами, референция указательной ИГ устанавливается путем сопоставления с данным отрезком текста. В лингвистической литературе эти указательные ИГ традиционно характеризуются как относящиеся к текстовому дейксису. Однако указательные ИГ, которые встречаются в диалогах, не принимались в расчет, чтобы избежать смешения со случаями употребления ситуативного дейксиса (2).

(2) 'You remember that first day we rode?' she said.

'Every moment.'

'That pair of golden eagles? Do you remember?'

'Yes.' **'That's** what we are [7. P. 146].

Демонстратив *that* в реплике Энни с точки зрения читателя является единицей текстового дейксиса, поскольку он должен соотносить его с антецедентом *eagles*. Однако с точки зрения Энни, он относится к ситуативному дейксису, так как отражает физическую отдаленность во времени и пространстве относительно ее месторасположения при произнесении этих слов. Кроме того, это местоимение также является отсылкой к словам собеседника.

Далее рассмотрим различные подходы к разграничению дейксиса и анафоры как типов референции.

Текстовый дейксис и анафора как типы референции

В начале определимся с терминологией. Термин 'дейксис' восходит к понятию жестовой референции – «идентификации референта посредством некоторого телесного жеста, производимого говорящим», см. Дж. Лайонз [9. С. 319]. Анафора, по определению Е.В. Падучевой, – это отношение между языковыми выражениями, состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому [10. С. 32].

В некоторых работах, например у В.В. Виноградова [10. С. 128], терминологически разводятся понятия «дейксис» и «указание»: «дейксис» и «анафора» являются частными случаями указания вообще. Подобная же классификация используется и Ю.Д. Апресяном, но наравне с дейксисом и анафорой в его работах выделяется «вторичный дейксис», называемый также нарративным или дейктической проекцией. Такой дейксис не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа, в том числе художественного повествования. Его конституирующим свойством является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета [11. С. 7].

Сюда относятся высказывания, связанные с перенесенной точкой отсчета, при том что чисто анафорической точку отсчета назвать нельзя, так как в тексте отсутствует конкретный антецедент. В этом плане актуально определение референции Н.Д. Аругюновой: «Референция – это способ «зацепить» высказывание за мир. Имеется определенная соотнесенность между семантическим типом языкового выражения и типом референции» [12. С. 18]. В самом деле, только в зависимости от своего смысла референциальное выражение может обозначать тот или иной объект действительности.

Основной терминологический вопрос состоит в том, является ли анафора подтипом дейксиса или отдельным типом референции. Первая трактовка берет начало в работах К. Бюлера [13]. Вторая трактовка, при которой дейксис и анафора являются равноправными типами референции, более распространена. Современные лингвистические исследования по референции характеризуют дейксис как индексную процедуру, которая подразумевает прямую ссылку на основу высказывания. Другими словами, дейктический центр отсчета (или *Ogigo*), используя термин К. Бюлера, представлен актом высказывания в данном ситуационном контексте речи, а именно временем высказывания. Например:

(3) *Now I saw in my dream that **by this time** the pilgrims were got over the Enchanted Ground and entering into the country of Beulah, whose air was very sweet and pleasant; the way lying directly through it, they solaced themselves there for a season* [7. P. 115].

С другой стороны, анафора – это референтный процесс, посредством которого устанавливается центр референции в самом тексте, ср.:

(4) *Her parents' relationship had long been a mystery to her, a complicated world where dominance and compliance were never quite what **they** seemed* [7. P. 1].

Центром референции дейктического выражения является ситуационный контекст, тогда как анафора получает свою референцию из прилегающих сравнительно коротких отрезков текста (*co-text*). Дейксис и анафора объединены механизмом референции, известным как текстовый дейксис. Этот процесс подразумевает метафору «ТЕКСТ – ПРОСТРАНСТВО», посредством которой пространственно-временная основа высказывания проецируется на сам текст.

Дж. Лайонз [14. P. 322] предложил различать чистый (*pure*) и не-чистый (*impure*) текстовый дейксис. В первом случае указательная ИГ будет связана с некоторой частью текста; во втором – демонстратив будет указывать на аспект интерпретации текстового сегмента, а не на сам сегмент как таковой. Б. Веббер [15. P. 109] поддержал данную дифференциацию, но для не-чистого текстового дейксиса предложил термин «дейксис дискурса».

Однако Р. Хаддлстон и Г. Паллам [16. P. 1506], рассматривая примеры, подобные (5), которые, согласно классификации Дж. Лайонза, относятся к чистому текстовому дейксису, считают, что если демонстратив однозначно соотносится с языковым антецедентом, то он, по сути, представляет собой анафору:

(5) *The woman meant well and was probably very good at her job, but Grace found the sessions a complete waste of time. How could **this stranger** - how could anyone – know what it was like?* [7. P. 58].

Из подобного примера можно заключить, что названные авторы применяют термин «текстовый дейксис» только к тем случаям, которые в классификации Дж. Лайонза относятся к не-чистому дейксису, а в классификации Б. Веббера – к дейксису дискурса, как в примере (6):

(6) *Robert thought it nothing less than a minor miracle that she should be content with him. More than **that**, he was sure ... that she had never been unfaithful to him* [7. P. 23].

Наиболее важное различие между (5) and (6), по крайней мере, с точки зрения языковой природы объектов, на которые ссылаются демонстративы, – это наличие ИГ (женщина-психотерапевт) в примере (5).

Во втором примере антецедентом является не ИГ, а весь иллокутивный акт. Другими словами, референциальная отсылка во втором примере не имеет антецедента в традиционном смысле.

Следовательно, текстовый дейксис может быть определен как механизм референции, разделяющий референтные свойства как дейксиса, так и анафоры. Подобно анафоре, выражения текстового дейксиса имеют текстовый антецедент; однако в то же время он сохраняет способность пространственного дейксиса показывать позицию адресанта по отношению к референту, хотя эта взаимосвязь не физическая, а метафорическая.

Таким образом, механизм референции текстового дейксиса преобразует прагматическую функцию указательных местоимений в текстовую, позволяя этим языковым единицам ссылаться на объекты в метафорическом пространственном текстовом домене, как это было бы в ситуативном домене.

В своем основном ситуативном использовании указательные местоимения показывают пространственные и временные отношения между адресантом и объектами референции. В качестве единиц текстового дейксиса они показывают как текстовое расстояние по отношению к его антецеденту, так и эмоциональную удаленность, с которой адресант воспринимает референт.

В качестве маркеров пространственных отношений указательные местоимения могут использоваться для создания пространственных оппозиций в тексте, как в примере (7), где проксимальный демонстратив относится ко второму разу, контрастируя с первым, более удаленным в тексте.

(7) *She tried to slap the boy again but **this time** he got away with the meat* [25. P. 73].

В качестве маркеров эмоционального расстояния они указывают на субъективность адресата и имеют особое значение в художественных нарративах в отношении понимания точки зрения:

(8) *a. All phone-ins seemed to have these ruthless wise guy hosts nowadays and Annie could never understand why people kept calling, knowing full well they would get humiliated. Perhaps **that** was the point* [7. P. 24].

*b. На телефонах доверия почему-то всегда работали жестокие, любящие покрасоваться в эфире люди, и Энни не могла понять, зачем люди туда звонят, заведомо зная, что им ничем не помогут, а только унижат. Может, **потому** и звонят [8. С. 45].*

Сравним исходный текст и его русский перевод. В примере (8a) использование дистального местоимения показывает намерение адресанта охарактеризовать неприятные ей вещи. Однако в русском переводе (8b) местоимение заменено на причинно-следственное наречие¹, не передающее отстраненности.

С когнитивной точки зрения как дейктическая, так и анафорическая референции выполняют совместную задачу, вызванную потребностью адресанта оценить эпистемический статус адресата для выбора подходящего указателя, а также требование к адресату присоединиться к пресуппозициям адресанта относительно его знаний [17]. Это означает, что выбор механизма референции на каждом этапе коммуникативного процесса зависит от нескольких когнитивных, прагматических и структурных факторов, таких как степень активации упомянутых объектов в памяти как адресанта, так и адресата, ситуационном или эмоциональном расстоянии, с которого адресант воспринимает референты и конкуренцию за доступность референтов, затронутых в данный момент дискурса, ввиду их схожей познавательной значимости и некоторых других [3]. С этой точки зрения было принято основное «географическое» разделение контекста. Согласно этой концепции референты могут быть активированы с помощью ситуационного контекста, языкового контекста или энциклопедического знания. Степень доступности референта, определяющего выбор данного механизма, зависит, по мнению М. Ариэль, от его «географического» происхождения [18].

Далее перейдем к анализу эмпирического материала.

Система демонстративов в английском языке

Системы демонстративов, как ситуативных, так и текстовых, в английском языке имеют двухступенный градационный ряд по признаку близости / дальности по отношению к центру референции. Первая степень (известная как проксимальная) показывает близость к адресанту, тогда как вторая степень (известная как дистальная) выражает расстояние, что может означать близость к адресату или расстояние до обоих собеседников.

При выборе текстового дейксиса оппозиция близости / дальности актуализируется в нескольких тенденциях использования, которые, как отмечает М.А. Хэлидэй, иногда могут конфликтовать [19. § 2.4]:

а) обе степени имеют анафорическую референцию к чему-то, что было сказано раньше. Адресант использует проксимальные демонстративы для обозначения своих слов:

¹ По классификации Е.В. Падучевой, данная единица относится к указательным местоимениям дальнего указания. См.: Проект «Русская корпусная грамматика». URL: <http://rusgram.ru>.

(9a) *You may think you're asking for a lope but your body's saying something else... He knows **this** from the way you feel* [7. P. 43]

в то время как дистальные демонстративы используются для обозначения слов адресата

(9b) *'In a coma, you mean,' Annie said, her tone challenging him to talk straight with her.*

'That's not what they're calling it, but yes, I guess that's what it is' [7. P. 14].

б) существует еще одна тенденция, согласно которой близость и дальность интерпретируются с точки зрения времени. В этом случае проксимальные демонстративы связаны с референтами настоящего или будущего времени (10a); дистальные демонстративы соотносятся с референтами прошедшего времени

(10) a. *So **this** dinner party tonight will be Annie's interim way of thanking them* [7. P. 102].

b. *Yesterday the woman had tried to get her to talk about Judith and **that** was the last thing on earth Grace wanted to do* [7. P. 58].

с) Третья тенденция заключается в связывании проксимального местоимения с катафорической референцией:

(11) a. *Tom and Frank had always seen **these things** the same way: they never disagreed about the way the ranch was run, nor anything else for that matter'* [7. P. 74]

и дистального местоимения с анафорической:

b. *He remembered the hunter, **that little guy** in the fur hat, grinning down at him from the railroad bridge* [7. P. 52].

Что касается стандартной русской системы указательных местоимений, то первая степень показывает близость к адресанту и адресату, в то время как вторая степень относится к референтам, отдаленным от обоих собеседников. Таким образом, в отличие от английского, русская вторая степень не способна показать близость к адресанту, как в английском. Поэтому указательность первой степени можно ожидать чаще в русском языке, чем в английских художественных нарративных текстах. Стратегии рассказчика по вовлечению его / ее адресата в нарративный иллокутивный акт посредством субъективности, присущей демонстративам как единице текстового дейксиса, как правило, выполняется в английском языке демонстративами второй степени (12a), которые могут выразить близость к адресату. В русском языке эта дискурсивно-прагматическая функция реализуется с помощью единиц первой степени (см. 12b).

(12) a. *But his mare, Bronty, was about to foal and he'd had to leave her back in Montana. **That** was another reason he wanted to get home* [7. P. 42].

b. *Но кобыла Бронти должна на днях разродиться – вот он и оставил ее в Монтане. **Это** еще одна причина, по которой он так рвался домой.* [8. С. 84].

Более глубокое сопоставительное исследование английского и русского языков в отношении дискурсивно-прагматического использования демонстративов первой и второй степени выходит за рамки данной работы. Мы

предпринимаем попытку определить общие черты указательных ИГ в художественных нарративах в качестве маркеров текстового дискурса.

В лингвистике различие между детерминативами и местоимениями традиционно основывается на появлении демонстратива с существительным или без него соответственно. Демонстративы без именных вершин считаются местоимениями. В этой статье понятие указательного местоимения было ограничено теми случаями, когда демонстратив не может быть сопоставлен с эллиптическим существительным, как в примере (13).

(13) *She was a small, wiry woman with the eyes of a zealot and though pushing forty, wore her hair in two long plaits. The girlishness of **this** was contradicted by the manly way she walked* [7. P. 42].

Демонстратив *this* здесь однозначно должен рассматриваться как местоимение, поскольку он может быть сопоставлен только с предыдущим предложением. И наоборот, демонстратив считается детерминативом, когда есть эллиптическое ядро, которое может быть восстановлено (14a).

(14) a. *The darkest hour comes before the dawn. **That** was Pilgrim's darkest hour and he survived it* [7. P. 156].

b. *За самым мрачным часом всегда наступает рассвет. Этот час Пилигрим встретил здесь и сумел пережить его* [8. С. 174].

В русском переводе эквивалентом указательного местоимения выступает именная группа, что подтверждает детерминативную функцию местоимения в английском варианте.

Таким образом, сопоставление английских демонстративов с их эквивалентами в русском языке помогает определить, являются ли английские лексемы *this / that* детерминативами или местоимениями.

Указательные именные группы в английских художественных нарративах

Чтобы охарактеризовать текстовый дейксис в художественных нарративах, нами выделены 417 указательных именных групп (200 с местоимением *this*, 128 с местоимением *that*, 49 с местоимением *these*, 40 с местоимением *those*).

При этом были проанализированы следующие переменные:

- 1) семантический тип существительного;
- 2) референтный ранг сущностей;
- 3) тип антецедента;
- 4) механизм референции;
- 5) структура указательных именных групп;
- 6) топик;
- 7) степень активации;
- 8) дискурсивная функция.

Первые четыре переменные следует считать предварительными для исследования, поскольку они позволили выделить прототипический текстовый дейксис, каковым, по мнению Г. Шмида, являются указательные именные группы с абстрактными существительными, ссылающиеся на неимен-

ные текстовые объекты [20]. Три последние переменные служат для характеристики текстового дейксиса с текстовой и когнитивной точек зрения. Пятая переменная является синтаксическим и семантическим аналогом прагматического и когнитивного факторов, выраженных с помощью переменных, которые измеряют степень установленности референтов именных групп, т.е. идентификацию основной темы высказывания, где появляется указательная ИГ, и коэффициент активации референта (ср. [21]).

Анализ степени структурной сложности указательных именных групп показывает их тенденцию либо создавать новые референты, либо поддерживать или актуализировать референцию на данные объекты дискурса. По мнению ряда лингвистов, одна из удивительных особенностей языка состоит в том, что один и тот же объект обозначается разными способами, а разные объекты – одним и тем же способом. Следует отличать референцию от значения языковых выражений. Разделение между смыслом референциальных выражений и их «соотнесённостью с действительностью» впервые в русской семантической традиции провела Е.В. Падучева [2].

Индексальные (указательные, дейктические) слова имеют значение, единое во всех своих употреблениях, и референт в соответствующем контексте предопределяется этим значением однозначно.

Далее рассмотрим наиболее важные переменные.

Семантический тип существительного

Эта переменная определяет, является ли вершина именной группы конкретным или абстрактным существительным. По определению Г. Шмида, «абстрактные существительные – это те существительные, чьи денотаты не являются частью конкретного физического мира, которые нельзя увидеть или потрогать» [20. С. 63]. Конкретные существительные определяются как относящиеся к объектам, существующим в пространстве.

Т а б л и ц а 1

Семантический тип существительных в УИГ

Семантический тип	%	Кол-во
Конкретные	26,6	110
Абстрактные	73,4	307
Всего	100	417

Результаты, представленные в табл. 2, показывают почти трехкратное превосходство семантически абстрактных существительных над конкретными. Однако, несмотря на то что семантический критерий четко определяет абстрактные и конкретные существительные, на практике он по-прежнему создает множество проблем при классификации, причем не только с такими многозначными существительными, как *thing*, *area*, *way*, имеющими как конкретное, так и абстрактное значение. Интересно также контекстное употребление однозначно конкретных существительных. Например, выход из комы описывается при помощи такого метафоричного выражения, как *moving through that tunnel of glue*. Другой пример – кос-

венные речевые акты как «способ такого выражения смысла, который кодируется с помощью языкового знака, конвенционально предназначенного для выражения другого, буквального, смысла знака» [22].

(15) *As she came out from paying, someone called her name and she looked around and saw Diane getting out of her Toyota at the other row of pumps. Annie waved and walked over.*

'So you do sometimes give yourself a break from that telephone after all,' Diane said. 'We were beginning to wonder' [7. P. 85].

Имплицитный смысл высказывания сводится к фразе *Оказывается, и ты иногда делаешь перерывы в работе.*

Таким образом, при определении семантического типа вершины указательных ИГ была выявлена тенденция демонстративов объединяться в художественном нарративе с абстрактными существительными. Тем не менее пространственное значение абстрактности все же должно быть, как показывают примеры, ограничено более точными понятиями в ближайшем контексте.

Референтный ранг сущностей

Референциальный статус именной группы лишь отчасти выражен в ее собственной структуре. В существенной степени он предопределен онтологической природой имени. Как отметил Дж. Лайонз: «Предельную степень обобщенности имеет в английском языке слово *entity* 'сущность', которое может использоваться для обозначения физических и нефизических объектов и происходит от латинского слова, которое было специально создано философами для выражения этой степени обобщенности» [9. С. 312].

Под референтным рангом следует понимать соотношенность референциального статуса именной группы и семантики имени существительного-вершины. Референтный ранг сущностей Дж. Лайонза [14] и С. Дика [23] предлагает более четкую характеристику семантического содержания существительных, включенных в анализируемые указательные ИГ. Их положения можно резюмировать следующим образом:

а) Сущности первого ранга: дискретные объекты, индивиды, устойчивые объекты, существование которых имеет временную или пространственную привязку:

(16) *Even though Annie had lived in **this country** [America] for many years, such candid religious talk still jolted some deep-seated English reserve in her and made her feel uneasy* [7. P. 63].

б) Сущности второго ранга: динамические объекты, т.е. состояние дел, события, процессы, действия:

(17) *She'll take the poor animal home, ride him just as she always did and all **this work** will have been for nothing* [7. P. 44].

в) Сущности третьего ранга: концепты, пропозиции (18).

(18) *When they went out, it was L.L. Bean meets the Sex Pistols. And the unconventionality of **this pairing** was an unspoken thrill to them both* [7. P. 14].

г) Сущности четвертого ранга: иллокуции и, предположительно, также перлокуции. (19).

(19) *'Where did you learn all **this stuff**, Tom?' he heard Dale ask. He turned back to her. 'What stuff?' 'You know, about horses* [7. P. 49].

Дж. Лайонз предполагает, что его разделение сущностей является «естественной классификацией <...> того, что существует в мире» [20. P. 64]. Однако в нашем исследовании используется дискурсивная концепция референтного ранга сущностей. Иногда тип сущности определяется конкретным использованием существительного на определенном этапе дискурса, а не «отношением между формальным элементом и некоторым, предположительно, независимо существующим объектом вне дискурса» [22. P. 51]. Пример (20) показывает, как существительное может ссылаться на тип объекта, отличный от того, который можно было бы ожидать из его семантического содержания.

(20) a. *She specialized in hip, brutal profiles of celebrities more accustomed to adulation. Her detractors - and there were many - said she would soon run out of victims. But it didn't work out **that way**. They kept on coming* [7. P. 14].

b. *Больше всего ей удавались раскованно-смелые литературные портреты знаменитостей, тех, которые обычно жаждали похвал и восхвалений. Ее недоброжелатели – а их хватало – говорили, что скоро никому не захочется быть ее жертвой и она останется без работы, но получилось **по-другому**. Жертвы валом валили* [17].

Чрезвычайно полисемичное английское слово *way* позволяет интерпретировать референт статически – как сущность первого порядка (в значении «путь») или динамически – как объект второго порядка, т.е. деятельность или процесс, как в данном примере. В русском переводе динамическую интерпретацию сложнее активировать по смысловому содержанию существительного *путь*, который может выражать активность только метонимически (*Мы пойдем другим путем*). Тем не менее сопоставление текстового дейксиса, выраженного совместно указательной ИГ и антецедентом, который выражает деятельность, также может привести к этой динамической интерпретации. Однако использование существительного, прототипически связанного с сущностью первого ранга, создает эффект опредмечивания. Он заключается в метафорической перегруппировке динамической сущности в «вещь» [25. § 5], таким образом определяемой в пространственном домене¹.

Таблица 2

Тип сущностей, на которые ссылаются указательные местоимения

Референтный ранг	%	Кол-во
1	24,8	103
2	37	155
3	9	37
4	29,2	122
Всего	100	417

¹ В соответствии с классификацией Дж. Лакоффа и М. Джонсона, онтологические метафоры позволяют видеть события, действия, эмоции, идеи и т.д. как некую субстанцию. В данном случае PURPOSEFUL ACTIVITIES ARE JOURNEYS (Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. 512 с.).

Референция к сущностям первого ранга довольно низкая (около четверти от общего числа). Эти результаты подтверждают те, что мы получили из анализа семантических типов существительных. То есть наблюдается преимущественное использование абстрактных сущностей. Представляется, что этот результат связан с дейктической природой указательных местоимений, которая облегчает указание на абстрактные референты и усиливает их способность охватывать сложные дискурсивные значения. Несмотря на то, что иногда эти значения кодируются с помощью существительных, они выходят за пределы вещей, как в следующем примере:

(21) *He knew every piece of gossip there was to know about anyone who was anyone in New York. By forgetting Robert's name on each of the four or five occasions they'd been introduced, Freddie had made it equally clear that he didn't count Annie Graves's husband among **this number*** [7. P. 112].

Относительно сущностей остальных рангов можно предположить, что более высокое число объектов подразумевает более высокую степень стилистической абстрактности [20. P. 70–73].

Значительный процент демонстративов с абстрактными существительными в художественном нарративе помогает объяснить, почему они часто сопоставляются с неименными сущностями, и почему при сопоставлении с именными антецедентами они не только сохраняют референцию, но и добавляют текстовые и когнитивные значения.

Тип антецедента

Определение антецедента указательной ИГ является сложной задачей, особенно когда они связаны с неименными сложными дискурсивными сущностями.

Т а б л и ц а 3

Тип антецедента указательных ИГ

Тип антецедента	%	Кол-во
Существительное	49,1	205
Клауза	6,9	29
Предложение	5,3	22
Текст	10,2	42
Иллокутивный акт	9,7	40
Дискурсивные знания	17,5	73
Память	1,3	5
Всего	100	417

Частота именных (49,1%) и неименных (51,9%) антецедентов близка к пропорции пятьдесят на пятьдесят. Соотношение между именными и неименными антецедентами является важной причиной спора о том, следует ли рассматривать механизм референции указательных ИГ как текстовый дейксис и анафору, о чем кратко рассказано в начале этой статьи. В действительности только указательные ИГ с именными антецедентами противоречивы. С точки зрения Ф. Корниша [24], референтные процессы с не-

именным антецедентом должны быть классифицированы как текстовые. Автор утверждает, что различие между дейксисом и анафорой зависит не только от ситуационного или текстового происхождения референции, но и от способности дейксиса (включая текстовый дейксис) привлечь внимание к сущностям, которые были не в фокусе, и от свойства анафоры ссылаться на уже находящиеся в фокусе дискурсивные единицы.

Таким образом, очевидно, что указательные ИГ с неименным антецедентом не могут ссылаться на сущность в фокусе, поскольку сущности вводятся в фокус внимания, когда они когнитивно характеризуются как существительные и впоследствии на них ссылаются в дискурсе при помощи анафорических механизмов:

(22) *She knew instinctively what was required, who you needed to know, what you had to do to win. And in her work ... **this gift** had helped her win all that was worth winning* [7. P. 67].

Конечно, самая важная функция указательных ИГ, ссылающихся на неименную дискурсивную единицу, заключается в их категоризации в качестве существительных и, следовательно, способности указывать на них как на фокусные объекты дискурса, что наглядно продемонстрировано в примере (22).

В отношении указательных ИГ с именным антецедентом можно утверждать, что, хотя они обычно сохраняют ссылку на топикализованные единицы в фокусе, это не единственная дискурсивная функция, которую они выполняют. Фактически это вторичная функция, которая может быть выполнена другим типом референтного маркера, а именно эллипсом, личным местоимением или определенным артиклем. В этих случаях указательные ИГ в основном реклассифицируют упомянутые сущности (23), охватывают все окружение именного антецедента (24) или добавляют к их референту дополнительную информацию, которая не была выражена ранее (25):

(23) *Wayne glanced at the little black box bolted to the dash and wondered for a moment whether to play all innocent.*

*'Uh-huh. You know **that radar detector** you've got there is illegal, don't you?'* [7. P. 2].

Реклассификация четко прослеживается в примере 23. Очевидно, что на этом этапе дискурса (беседа дальнотойщика с патрульным) *антирадар* оказывается в фокусе внимания при помощи определенного артикля и впоследствии еще раз упоминается в составе указательной ИГ.

Пример 24 показывает способность указательных местоимений охватывать не только информацию именного антецедента, но и весь предыдущий контекст, сравним:

(24) *Their joint failure to produce another child was a sorrow he and Annie never now discussed. But it had seeped silently into every crevice of their relationship. It had been there, unspoken, this afternoon when Annie arrived at the hospital and he had so stupidly broken down and wept. He knew Annie felt he blamed her for being unable to give him another child. Maybe she had reacted so harshly to his tears because somehow she could see in them a trace of **that blame*** [7. P. 22].

С другой стороны, в примере 25 указательная ИГ *this man* используется для добавления новой информации, передаваемой в относительном придаточном предложении.

(25) *It struck her as uncanny that **this man** who'd never fully known a child of his own should so understand each wounding nuance that passed between her and Grace* [7. P. 106].

Тот факт, что указательные ИГ с именными antecedентами выполняют дискурсивные функции, отличные от референтной соотнесенности, может также объясняться их дейктическим характером, по крайней мере в случае реклассификации и других сопутствующих функций. Поэтому эти функции следует рассматривать как результат текстового дейксиса.

Механизмы референции, связанные с текстовым дейксисом в указательных ИГ

Указательные ИГ с текстовыми antecedентами подразумевают двойной или сложный механизм референции, поскольку лексическая анафора, которую вершина указательной ИГ устанавливает с antecedентом, связана с текстовым дейксисом. Таким образом, текстовый дейксис и лексическая анафора действуют как единое целое, чтобы соответствовать нескольким различным комплексным процедурам лексической связности [19. P. 274–292]. Однако функция демонстративов текстового дейксиса заключается в согласовании вершины с antecedентом, который определяет тип референциальной связи, т.е. различные языковые средства кореференции: повтор, синонимия, гиперонимия, широкозначное существительное. Понятие эллиптической анафоры встречается в трудах Е.В. Падучевой. Она определяет ее как «конструкцию с опущенным, но однозначно восстановленным элементом» [2. С. 172]. Восстановление этого элемента происходит за счет обращения к более широкому контексту:

(26) *It showed he had driven over nine hundred miles in twenty-four hours with only one stop and even **that** [stop] was for only half the eight hours required by law* [7. P. 3].

Отличным механизмом характеризуется ассоциативная, или косвенная, (bridging) анафора, референт которой не вводится непосредственно в тексте, а лишь каким-то образом связан с antecedентом. Чаще всего объекты ассоциативной пары связаны метонимическими отношениями:

(27) *The northern edge of Choteau was guarded by a thirteen-and-a-half-foot-tall dinosaur. [...] Four times a day, for two weeks now, Annie had traversed **this reptilian gaze** as she drove to and from the Double Divide* [7. P. 74].

Из результатов, приведенных в табл. 5, можно сделать два общих вывода.

Во-первых, предпочтение указательных ИГ в художественных нарративах для кореференции с предыдущим текстовым antecedентом (89,7%) является подавляющим. Тем не менее встречаемость ассоциативной анафоры (11,3%) говорит о том, что эта функция также характерна для указательных местоимений.

Таблица 4

Механизмы референции, связанные с текстовым дейксисом в указательных ИГ

Ассоциативный механизм	%	кол-во
Эллипсис	3,2	13
Повтор	17,1	71
Синоним	10,5	43
Гиперонимия	6,5	27
Широкозначное существительное	49,4	206
Ассоциативная анафора	11,3	47
Вторичный дейксис (am Phantasma)	0,9	4
Всего	100	417

С другой стороны, среди механизмов кореференции предпочтительной тенденцией является ассоциация указательных местоимений с широкозначным именем существительным, около 50% по отношению к общему количеству демонстративов. Эта тенденция четко объясняется абстрактностью и неспецифичностью, которые определяют этот тип существительных, особенностями, которые помогают классифицировать сложные дискурсивные единицы как существительные (28).

(28) *The reason I'm calling is that I understand you help people who've got horse problems.* <...> – “I don't do **that sort of thing**” [7. P. 51].

Следующий раздел посвящен определению и характеристике механизма референции «текстовый дейксис + широкозначное существительное» как прототипичной процедуре текстового дейксиса.

Связь текстового дейксиса и широкозначных существительных в указательных именных группах

Такой механизм характеризуются наличием двух признаков:

а) широкозначное существительное (*shell noun / container noun / carrier noun*) является абстрактным, учитывая степень абстрактности, выраженную сущностями, не первого ранга;

б) antecedentом является не именная группа, а сложная дискурсивная единица.

(29) *Robert ... seemed so clever and dependable, so grown up and yet so sensitive. And he was still all of **those things**, a fine, fine man* [25. P. 149].

Указательная ИГ *those things* охватывает предыдущее предложение, включая его в «сферу» существительного, которое служит «информационным контейнером» [20].

Таким образом, текстовый дейксис и широкозначные существительные оказываются текстуально и когнитивно переплетенными, чтобы концептуализировать сложные неименные части дискурсивной информации, классифицируя в то же время эти сложные единицы как существительные. Более того, весь механизм выполняет роль референциального когезивного сцепления [20, 22]. Концептуализирующая и категоризирующая функция демонстрируется предпочтением этого референтного механизма для сложных antecedentов.

Таблица 5

Типы антецедентов указательных ИГ с широкозначными существительным

Тип антецедента	%	Кол-во
Клауза	13,8	57
Предложение	9	37
Текст	22,6	95
Иллокутивный акт	19,4	81
Дискурсивные знания	35,2	147
Всего	100	417

Можно выдвинуть гипотезу, что чем сложнее антецедент, тем больше вероятность использования широкозначного существительного. Подтверждение этой гипотезы требует использования более широких нарративных корпусов. Тем не менее знание дискурса является однозначно предпочтительным типом, результат, без исключений связанный с использованием текстового дейксиса и широкозначных существительных для обозначения нарративного времени (30).

(30) *And now at last he understood what he'd been seeing all this time in Pilgrim's eyes* [7. P. 95].

Решающим фактором выбора референциальных средств становится не «условное расстояние» от дейктического центра, как это четко прослеживается в русском языке, а когнитивный статус референта, представленный оппозицией «быть в фокусе внимания» и «активированный в кратковременной памяти адресата» [26]. К факторам, влияющим на выбор референта, относятся степень активации референта в сознании, степень важности референта, наличие фоновых знаний о референте в личном опыте адресата, синтаксически значимая или второстепенная роль референта в дискурсе и др. Что касается степени активации референтов в когнитивно-дискурсивной модели, то референция к сущностям, находящимся в имплицитном фокусе, является гораздо более предпочтительным выбором, что доказывает наша следующая таблица.

Таблица 6

Степень активации референтов указательных ИГ с широкозначными существительными

Степень активации	%	Кол-во
Активированный this N	3,4	14
Известный that N	64	261
Референтный indefinite this N	32,6	142
Всего	100	417

Важную роль в степени активации сущностей указательных ИГ играют нарративное время и пространство, так как они являются существенной частью знаний имплицитного дискурса, следовательно, их можно назвать «активированными референтами в имплицитном фокусе». Несмотря на это, наиболее активные референты указательной ИГ с широкозначными существительными состоят из информации, введенной в предыдущем вы-

сказывании, будь то придаточные предложения или иллокутивные акты, как в примере (31).

(31) *At Sioux City they crossed into South Dakota and headed west again on Route 90 which would take them all the way to Montana. [] Neither Liz nor Harry knew anyone who lived in **these parts*** [7. P. 64].

Возвращаясь к результатам табл. 2 (Референтный ранг сущностей), следует отметить закономерность того, что значительное число референтов относятся к четвертому рангу (29,2%), поскольку референция к нарративному времени рассматривается как указывающая на важный аспект нарративного иллокутивного акта.

Преобладание модели Dem + NPh, не имеющей другого семантического содержания, безусловно, подтверждает, что сочетание «текстовый дейксис + широкозначное существительное» – это механизм, основной целью которого является поддержание референции к уже установленным дискурсивным сущностям путем объединения грамматической (текстовый дейксис) и лексической когезии (широкозначное существительное) вместо процедуры, используемой для введения новых референтов. Этот механизм референции прототипически реализует способность демонстративов в функции текстового дейксиса присоединять сложные дискурсивные сущности и трансформировать имплицитный фокус в эксплицитный.

Заключение

В данной статье мы проанализировали указательные именные группы в английском художественном нарративе. Было продемонстрировано, что указательные именные группы относятся к текстовому дейксису. Текстовый дейксис рассмотрен как метафорический механизм референции, который проецирует высказывание на текст, совмещая таким образом референциальные свойства дейксиса и анафоры.

Указательные именные группы показывают способность дейксисов выражать текстовое расстояние, эмоциональную дистанцию или и то и другое и, следовательно, связаны с субъективностью адресанта. Тяготение к абстрактным существительным и неименным antecedентам соответствует их дейктической направленности, что позволяет соотносить указательные ИГ со сложными дискурсивными сущностями. Данная тенденция сохраняется и тогда, когда они референциально связаны с именными частями речи. Здесь указательные местоимения выполняют другие функции, помимо поддержания референции, например реклассификацию предшествующего существительного или охватывание всего предыдущего контекста. Поэтому указательные ИГ необходимы для актуализации референтов, уже приведенных в модели когнитивного дискурса.

С другой стороны, предпочтение указательных ИГ для абстрактных существительных и сложных antecedентов способствует определению модели «текстовый дейксис + широкозначное существительное» как особого типа механизма лексической когезии, которое классифицирует как существитель-

ные сложные фрагменты дискурсивной информации, являющиеся частью имплицитного фокуса. В художественных нарративах эта информация включает имплицитное знание дискурса в основном нарративного времени.

Продемонстрирована тенденция к сочетанию указательных местоимений с абстрактными существительными, которые относятся к сложным неименным дискурсивным сущностям, что, безусловно, связано с дейктической природой указательных ИГ, имеющих текстовые antecedentes.

В заключение отметим, что рамки этого исследования не позволили провести сравнительный анализ с другими типами текстов как по сфере общения, так и по жанровой природе. Нет возможности сделать вывод о специфичности или же закономерности выявленных тенденций употребления демонстративов. Продолжение работы в этом направлении видится в сопоставлении текстов, относящихся к не художественному нарративу, а также к не нарративным художественным текстам.

Литература

1. Падучева Е.В. О денотативном статусе именных групп в предложении // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1980. Вып. 519. С. 48–81.
2. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: (референциальные аспекты семантики местоимений). М. : Наука, 1985.
3. Kibrik A.A. Reference maintenance in discourse // Halpband. Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-10785, 2001.
4. Красавина О.Н. Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 51–68.
5. Куайн У.О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. 13. С. 87–108.
6. Мельник О.Г. Метафоризация дейктических единиц // Известия ЮФУ. Технические науки. Тематический выпуск «Педагогика и психология». 2013. № 10 (147). С. 12–18.
7. Evans N. The Horse Whisperer. URL: http://bookscafe.net/book/evans_nicholas-the_horse_whisperer-164615.html
8. Эванс Н. Заклинатель / пер. В.И. Бернацкой. URL: https://royallib.com/book/evans_nikolas/zaklinatel.html
9. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. М. : Языки славянской культуры, 2003. 397 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
11. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–32.
12. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982.
13. Bühler K. Sprachtheorie: die Darstellungsfunktion der Sprache. 1934. Stuttgart : Gustav Fischer, 1982.
14. Lyons J. Semantics, II. Cambridge : Cambridge University Press, 1977.
15. Webber B.L. Structure and ostension in the interpretation of discourse deixis // Language and Cognitive Processes. 1991. Vol. 6, № 2. P. 107–135.
16. Huddleston R., Pullum G.K. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge : CUP, 2002.

17. *Brisard F.* (ed.) *Grounding. The Epistemic Footing of Deixis and Reference.* Berlin : Mouton de Gruyter, 2002.
18. *Ariel M.* *Accessing Noun-phrase Antecedents.* London : Routledge, 1990.
19. *Halliday M.A.K., Hasan R.* *Cohesion in English.* London : Longman, 1976.
20. *Schmid H.J.* *English abstract nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition.* Berlin : Mouton de Gruyter, 2000.
21. *Kibrik A.A.* Cognitive inferences from discourse observations: Reference and working memory // *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference / eds. by K. van Hoek, A.A. Kibrik, L. Noordman.* Amsterdam : Benjamins, 1999. P. 29–52.
22. *Кобозева И.М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 7–21.
23. *Dik S.C.* *The Theory of Functional Grammar, 1.* Berlin : Mouton de Gruyter, 1997.
24. *Cornish F.* *Anaphora, Discourse and Understanding. Evidence from English and French.* Oxford : OUP, 1999.
25. *Langacker R.* *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical Prerequisites.* Stanford, California : Stanford University Press, 1987.
26. *Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R.* *Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse // Language.* 1993. № 69. P. 274–307.

Demonstrative Noun Phrases in English Narrative Fiction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 69. 122–141. DOI: 10.17223/19986645/69/6

Olga G. Melnik, Southern Federal University (Taganrog, Russian Federation).
E-mail: olga.g.melnik@gmail.com

Keywords: discourse, narration, reference, text deixis, anaphora; demonstrative noun phrase, general noun, lexical cohesion.

The aim of this article is to propose a general scheme that gives an idea of text deixis in narrative fiction from the discursive and cognitive points of view. The involvement of corpus-based and comparative methods is intended to ensure the accuracy of the results presented in the study. Considering text deixis as a metaphorical process combining both deixis and anaphora, the author assumes that demonstratives having an antecedent in the text should be perceived as a referential device of text deixis. Their function, along with anaphora, is to maintain discourse reference. The material for the analysis was Nicholas Evans's novel *The Horse Whisperer*. To characterize text deixis in the narrative corpus, the author singled out 417 demonstrative noun phrases (DemNPs). For the versatile characteristics of text deixis, she analyzed some linguistic and discursive variables associated with the index of noun phrases and demonstratives. These variables allowed: distinguishing the prototypical text deixis, namely, DemNPs with abstract nouns referring to non-nominal text objects; characterizing text deixis from the textual and cognitive points of view; measuring the degree of certainty of DemNPs referents, i.e. identifying the main topic of the statement, and the activation degree of the referent. The analysis of the degree of structural complexity of DemNPs shows their tendency either to create new referents or to maintain or update the reference to these objects of discourse. DemNPs with text antecedents imply a complex reference device, since the lexical anaphora, which the nucleus of DemNPs establishes with the antecedent, is associated with text deixis. Thus, text deixis and lexical anaphora act as a single unit to fit several different procedures of lexical cohesion. A separate section is devoted to the definition and characteristics of the reference device “text deixis + general noun” as a prototypical procedure of text deixis. Text deixis and general nouns are textually and cognitively twisted to conceptualize complex non-nominal parts of discursive information, simultaneously subcategorizing these complex units as nouns. Moreover, the whole mechanism acts as a reference cohesive

link. The decisive factor in choosing reference devices is the cognitive status of the referent, which is represented by the opposition “to be in the focus of attention” and “to be activated in the short-term memory of the addressee”. In this article, the author analyzed the DemNPs in English narrative fiction. She demonstrated that DemNPs are related to text deixis. Text deixis is considered as a metaphorical device of reference, which maps a statement to a text, thus combining the reference properties of deixis and anaphora. The conclusion is made that this reference device is usually combined with abstract nouns capable of classifying non-nominal complex discursive entities as nouns, while performing a referential cohesive function by combining text deixis with general nouns. The author sees the prospects of the research in a detailed comparison between narrative non-fiction and non-narrative fiction.

References

1. Paducheva, E.V. (1980) O denotativnom statuse imennykh grupp v predlozhenii [On the denotative status of noun phrases in a sentence]. *Uchen. zapis. Tart. Universiteta*. 519. pp. 48–81.
2. Paducheva, E.V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Utterance and its correlation with reality: (referential aspects of pronoun semantics)]. Moscow: Nauka.
3. Kibrik, A.A. (2001) Reference maintenance in discourse. In: Haspelmath, M., König E. & Oesterreicher, W. (eds) *Language typology and language universals. An international handbook*. Oxford: Oxford UP.
4. Krasavina, O.N. (2004) Upotreblenie ukazatel'noy gruppy v russkom povestvovatel'nom diskurse [The use of the demonstrative group in the Russian narrative discourse]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 51–68.
5. Quine, W.V.O. (1982) Referentsiya i modal'nost' [Reference and modality]. Translated from English. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 13. Moscow: Progress. pp. 87–108.
6. Mel'nik, O.G. (2013) Metaphorization of deictic units. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki – Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*. 10 (147). pp. 12–18. (In Russian).
7. Evans, N. (1995) *The Horse Whisperer*. [Online]. Available from: http://bookscafe.net/book/evans_nicholas-the_horse_whisperer-164615.html.
8. Evans, N. (1998) *Zaklinatel'* [The Horse Whisperer]. Translated from English by V.I. Bernatskaya. [Online]. Available from: https://royallib.com/book/evans_nikolas/zaklinatel.html.
9. Lyons, J. (2003) *Lingvisticheskaya semantika. Vvedenie* [Linguistic semantics: An Introduction]. Translated from English. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Yartseva, V.N. (ed.) (1990) *Lingvisticheskiy Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya.
11. Apresyan, Yu.D. (1986) Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and a naive model of the world]. *Semiotika i informatika*. 28. pp. 5–32.
12. Arutyunova, N.D. (1982) Lingvisticheskie problemy referentsii [Linguistic problems of reference]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 13. Moscow: Progress.
13. Bühler, K. (1934) *Sprachtheorie: die Darstellungsfunktion der Sprache*. Stuttgart: Gustav Fischer.
14. Lyons, J. (1977) *Semantics, II*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Webber, B.L. (1991) Structure and ostension in the interpretation of discourse deixis. *Language and Cognitive Processes*. 6 (2). pp. 107–135.
16. Huddleston, R & Pullum, G.K. (2002) *The Cambridge Grammar of the English Language*. Cambridge: CUP.

17. Brisard, F. (ed.) (2002) *Grounding. The Epistemic Footing of Deixis and Reference*. Berlin: Mouton de Gruyter.
18. Ariel, M. (1990) *Accessing Noun-Phrase Antecedents*. London: Routledge.
19. Halliday, M.A.K. & Hasan, R. (1976) *Cohesion in English*. London: Longman.
20. Schmid, H.J. (2000) *English abstract nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition*. Berlin: Mouton de Gruyter.
21. Kibrik, A.A. (1999) Cognitive inferences from discourse observations: Reference and working memory. *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference*. Amsterdam: Benjamins. pp. 29–52.
22. Kobozeva, I.M. (1986) “Teoriya rechevykh aktov” kak odin iz variantov teorii rechevoy deyatel’nosti [The speech act theory as one of the variants of the speech activity theory]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 17. Moscow: Progress. pp. 7–21.
23. Dik, S.C. (1997) *The Theory of Functional Grammar. Part 1*. Berlin: Mouton de Gruyter.
24. Cornish, F. (1999) *Anaphora, Discourse and Understanding. Evidence from English and French*. Oxford: OUP.
25. Langacker, R. (1987) *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I*. Stanford, California: Stanford University Press.
26. Gundel, J.K., Hedberg, N. & Zacharski, R. (1993) Cognitive Status and the Form of Referring Expressions in Discourse. *Language*. 69. pp. 274–307.